

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 120–126
North Caucasus Legal Vestnik. 2023;(1):120–126

Проблемы уголовного и процессуального права

Научная статья

УДК 343.3+340.1

doi: 10.22394/2074-7306-2023-1-1-120-126

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Геннадий Геннадиевич Небрatenко¹, Евгений Валерьевич Безручко²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, gennady@nebratenko.ru

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, bezrutschko@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются уголовно-правовые вопросы охраны жизни и здоровья человека как составной части истории уголовного права, сопряженной с теоретико-историческими правовыми науками. Авторы рассматривают виды и содержание противоправных деяний, выраженных в причинении вреда жизни и здоровью человека, криминализованных в обычном праве донских казаков. Использование обычаев для регулирования уголовно-правовых отношений является всеобщей практикой для раннефеодальных государств, таких как Древняя Русь, а также региональной – для Российской империи. В результате авторами делается вывод о широком использовании в становлении современного уголовного права историко-правовой методологии и о второстепенности юридической рецепции из иностранного законодательства. Одновременно обращается внимание на то, что история уголовного права в настоящее время считается составной частью уголовно-правовых наук.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, наказание за причинение вреда жизни, обычное право донских казаков, обычно-правовое регулирование, уголовно-правовые отношения, уголовно-правовая политика, законодательство Российской империи

Для цитирования: Небрatenко Г. Г., Безручко Е. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против жизни и здоровья в обычном праве донских казаков // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 120–126. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-1-120-126>

Problems of Criminal and Procedural law

Original article

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH IN COMMON LAW OF DON COSSACKS

Gennady G. Nebratenko¹, Evgeny V. Bezruchko²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, gennady@nebratenko.ru

¹Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, bezrutschko@mail.ru

Abstract. The article examines the criminal law issues of protecting human life and health as an integral part of the history of criminal law, coupled with theoretical and historical legal sciences. The authors consider the types and content of illegal acts, expressed in causing harm to human life and health, criminalized in the customary law of the Don Cossacks. The use of customs to regulate criminal law

relations is a universal practice for early feudal states, such as Ancient Russia, as well as regional - for the Russian Empire. As a result, the authors conclude that historical and legal methodology is widely used in the formation of modern criminal law and that legal reception from foreign legislation is of secondary importance. At the same time, attention is drawn to the fact that the history of criminal law is currently considered an integral part of the criminal law sciences.

Keywords: crimes against life and health, punishment for causing harm to life, customary law of the Don Cossacks, customary legal regulation, criminal law relations, criminal law policy, legislation of the Russian Empire

For citation: Nebratenko G. G., Bezruchko E. V. Criminal-legal characteristics of crimes against life and health in common law of Don cossacks. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(1):120–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-1-120-126>

В российском законодательстве преступления против жизни и здоровья представлены в главе 16 раздела VIII Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, включая статьи со 105-й по 125-ю¹. Вошедшие в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья» составы преступления стали результатом пролонгированного по времени нормотворчества, поскольку в действующем Уголовном кодексе также присутствуют статьи 110¹, 110², 116¹ и 124¹, появившиеся в результате внесения изменений в законодательство в рамках совершенствования уголовной политики Российской Федерации, выразившегося в дополнительной криминализации правонарушений. Однако отечественное уголовное право в какой-то мере представляется консервативной отраслью права, не ставшей продуктом юридической рецепции, например, «Уголовного кодекса Наполеона», принятого 12 февраля 1810 г. или иного зарубежного нормативного правового акта. Хотя в Своде Законов Российской империи можно обнаружить маркеры влияния «Уголовного кодекса Франции» 1810 г., поскольку этот памятник права, безусловно, оказал влияние на развитие системы уголовного законодательства многих государств романо-германской семьи права [1, с. 1598–1605].

В большей степени уголовное право является результатом эволюции отечественного законодательства, памятники которого со времени появления «Русской правды» великого князя Ярослава Мудрого включали уголовно-правовые нормы и принципы, сообразные существовавшей общественно-политической формации. В этом смысле следует придерживаться научной позиции о самодостаточности российского права, как в прошлом, так и в настоящем, указывающей на правовой суверенитет Российской Федерации, формировавшийся на протяжении тысячелетия.

Россия никогда не нуждалась в «колониальных кодексах», заимствованных из «метрополий», хотя в период правления Петра I законодатель широко использовал достижения юридической техники иностранных государств, в первую очередь поверженного Шведского королевства, которое на рубеже XVII-XVIII вв. имело просвещенное для своего времени законодательство. Поэтому наименование отрасли «уголовное право» очевидно состоит из русских слов, не определяясь как «криминальное право», в отличие, например, от криминологической науки, изначально заимствованной из-за границы [2, с. 144–145].

В то же время нормативный правовой акт как источник уголовного права не является единственной и тем более первой формой права, в которую облекались криминализованные государством общественно опасные, виновные и противоправные деяния-преступления. Даже в ветхозаветных библейских заповедях пророка Моисея едва ли можно найти первоисточник уголовно-правовых предписаний, хотя заповеди, безусловно, оставили неизгладимый след в уголовно-правовых системах многих современных государств так или иначе связанных с иудаизмом, христианством или исламом [3, с. 470–483].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022).

Очевидно, что зарождение уголовного права изначально было сопряжено с применением обычного права, источником которого в первую очередь стали обычаи, административные и судебные прецеденты потестарной власти, а также нормативные договоры. Последние, заключенные в 907, 911, 944, 971 гг. от имени Древней Руси с Византией, считаются первыми достоверным письменными памятниками права России. Эти договоры, между прочим, содержат и уголовно-правовые нормы, а также упоминания об обычаях, но главным является ссылка на «Закон русский», возникший до появления договоров с Византией [4, с. 25, 29], и этот «Закон» основывался на славянском обычном праве, содержание которого, естественно, не зафиксировано, поскольку оно было вербализованным. Юридическая сила обычного права в раннегосударственный период заключалась в его общеобязательности, воспроизводимой вербальным бесписьменным образом, позволяя фиксировать в «народной памяти» уголовно-правовые предписания среди лиц, не обязательно обученных грамоте, а также представителями различных этнических и языковых групп, например, финно-угорских или тюркских. Обычаи были просты для понимания, запоминания и последующего воспроизводства, их исполнение сопровождалось совершением символических, порою, ритуальных действий, так или иначе сопряженных с местными обычаями.

Укрепление великокняжеской власти династии Рюриковичей, а затем удельной власти в Древней Руси в домонгольский период, способствовало исключению уголовно-правовых норм из обычно-правовых отношений, в первую очередь в городах, но не в сельской местности, где обычное право до утверждения крепостного права продолжало применяться. Доступ к «законному правосудию» ограничивался логистическими причинами: удаленностью от чиновников, неразвитостью путей сообщения или невысокой грамотностью населения.

Особняком в истории укоренения законных начал уголовного судопроизводства в Российском государстве стояло казачество, не познавшее крепостного права, сохранившее общинное устройство до установления советской власти, а также самобытные органы управления, которые, на практике привлекались к урегулированию уголовно-правовых отношений на основе местных обычаев, часть из них получили нормативное закрепление, став правовыми. Казачьи обычаи, по сути, мало отличались от обычаев русской крестьянской общины до помещичьего закрепощения ее жителей, но и обычаи местного самоуправления казачества были заимствованы при возрождении крестьянской общины, связанном с отменой крепостного права императором Александром II. Таким образом, в нормативно-регулятивном плане казачье обычное право стало частью русской правовой культуры.

Самым многочисленным и древним по старшинству в Российском государстве было Донское казачье войско, о котором сохранилось множество письменных упоминаний, относящихся к различным историческим периодам. Среди них представляют ценность для гуманитарных наук документы Посольского приказа Русского царства, обобщенные в рамках архивных фондов «Донские дела» [5, с. 517–529]. Изучение разнородных источников и свидетельств о практике регулирования уголовно-правовых отношений в досоветский период позволяет обобщить объективные данные о ее содержании, базирующейся на «казачьем обычае», что представляет собой вклад в изучение истории российской уголовно-правовой науки. Одновременно с этим происходит выявление и обобщение знаний о юридическом менталитете и правовой культуре казачества как составной части многонационального русского народа, нередко основываясь на проведении правовой реконструкции [6, с. 15–20].

В этом смысле является небезынтересным тот факт, что в обычаях казачества жизнь и здоровье человека не считалось безусловно аксиологичным, поскольку в правосознании казаков доминировали публичные начала, и в первую очередь охране подлежали интересы всей казачьей общины, а «ценность» того или иного индивида определялась заслугами перед коллективом. Казачьи войска располагались на пограничье, и отправляемая служба была связана с постоянным противоборством преимущественно с тюркскими государствами и народами, в первую очередь Оттоманской Портой и Крымским ханством. Войны и боевые стычки

приводили к потерям среди казаков, нивелируя в общественном сознании ценность человеческой жизни, особо, если она положена ради общего дела, тем более здоровье, при этом важным считалось сохранение «казачьего рода».

Другим следствием «военного быта» казачества стало поголовное вооружение мужского населения, предоставлявшее возможность самозащиты от преступных посягательств, что весомо ограничивало количество преступлений против жизни и здоровья. Одновременно этот факт указывал на отсутствие монополии государства на применение принуждения, в настоящее время считающейся основополагающим этатическим признаком. Тем не менее, преступления против жизни и здоровья встречались, и в основном были выражены в совершении следующих деяний: «злодейское убийство»; «нечаянное причинение смерти»; «нанесение увечий»; «побои»; «сокрытие заболевания человека заразной болезнью» [7, с. 153].

Обычно-правовая дефиниция «злодейского убийства» (смертоубийства), по смыслу тождественная статье 105 УК РФ, но с учетом доминирования среди казачества религиозного типа мировоззрения, в отличие от современного – научного, криминализация искомого правонарушения предопределялась «Шестой заповедью», дарованной пророку Моисею (не убивай). При этом умышленное причинение смерти не читалось «церковным преступлением», в том числе из-за сложившейся в среде казачества «терпимости к смерти». Однако в этом смысле безусловной криминализации подлежало «междоусобное убийство», то есть совершенное внутри общины (между собой). Убийство же, например, пленного (ясыря – по-тюркски) не считалось «злодейством», поскольку он по казачьим обычаям считался «объектом имущественных прав», используемым для продажи или обмена на плененных казаков.

С укоренением на Дону классического семейного быта, выраженного в широком распространении в XVIII столетии патриархальных семей, объединявших два-три поколения родственников, многие убийства совершались на бытовой почве по мотиву личной неприязни, ненависти и безудержного отвращения. Поэтому даже в XIX столетии, когда убийство квалифицировалось по российским законам, оно встречалось крайне редко, исключая случаи, когда супруг умышленно лишал жизни супругу или наоборот. Раскрытие и расследование таких преступлений не составляло особого труда, мотивом совершения которых нередко становилось чувство мести по отношению к прелюбодеям [8, с. 64].

Наиболее распространенным наказанием за совершение «злодейского убийства» являлась смертная казнь, к которой приговаривали в походе с немедленным приведением в исполнение, если деяние совершалось за пределами Войска Донского. Если же преступление совершалось на территории Донского края, то виновных из казачьих городков отправляли под караулом в «Главное войско», то есть административный центр (Раздоры, Монастырский городок, Азов или Черкасск). В случае вынесения Войсковым кругом приговора в виде смертной казни осужденных по обыкновению топили в Дону (в куль да в воду) или растравливали из пищалей, реже обезглавливали «войсковой саблей». При этом процедура исполнения наказания в обычном праве носила вариативный характер, поэтому допускались более изощренные формы, когда, например, виновного хоронили живьем рядом с трупом потерпевшего [8, с. 124].

Впрочем, «злодейское убийство» не обязательно приводило к вынесению смертной казни, и осужденного при наличии смягчающих вину обстоятельств признавали «вне закона», то есть обрекали на изгнание из казачьей общины (лишали суда и расправы) или «подтапливали в Дону», не топили, вынимая из воды еще до наступления смерти. Однако на рубеже XVIII-XIX вв. такие дела стали рассматривать по «общероссийскому уголовному праву», особо, если они касались казаков, поголовно состоящих в очереди несение воинской службы. Поэтому сокрытие факта смерти было практически невозможным, исключая «маскировку» под несчастный случай.

Между тем не каждый факт смерти является результатом совершения умышленных действий, и статья 109 Уголовного кодекса Российской Федерации «Причинение смерти по неосторожности» разграничивает соответствующее деяние с убийством. Аналогичное разграничение

составов преступлений прослеживалось в обычном праве, в котором смерть человека, наступившая в результате бытовой драки или нанесения побоев, различного вреда здоровью или увечий, когда у виновного не было умысла на убийство потерпевшего, признавалось криминальным, но вынесенное наказание отличалось большей мягкостью, чем за тождественные последствия, наступившие в результате убийства. У донских казаков такое деяние считалось «нечаянным причинением смерти» или «нечаянным смертоубийством», и в связи с тем, что виды и тяжесть наказания, выносимые по обычаям, имели казусный характер, виновный мог быть как казнен, так и освобожден от наказания, смотря по обстоятельствам дела, оцениваемым в Войсковом круге. Скажем, при отправлении самосуда в отношении лиц, приговоренных к наказанию в виде «лишения суда и расправы», их непреднамеренная смерть не породила уголовного преследования. В иных случаях и сам виновный в «нечаянном смертоубийстве» мог быть наказан «лишением суда и расправы», битьем дубинами, позорным «выставлением у якоря», заковыванием в кандалы, лишением чина, внеочередной службой или заключением в острог [8, с. 125].

В то же время распространенным преступлением против здоровья человека являлось «нанесение увечий» и «побоев». В связи с отсутствием четкого представления о степени вреда здоровью, нанесенного потерпевшему, эти деяния разграничивались между собой как приводившие к невозможности полноценного восстановления здоровья и соответственно восстанавливаемые человеческим организмом последствия физического воздействия преступника. В тоже время нанесение увечий могло возникнуть как в результате умышленных действий, имеющей целью их наступление, так и в результате неосторожности виновного. Примерами увечий являлось отсечение различных конечностей, лишение глаза, языка или ушей, а также обезображивание лица, различные переломы костных тканей, приводившие, например, к повреждению опорно-двигательной подвижности [9, с. 40-43]. Такого рода последствия не приводили к гибели потерпевшего, возникали в результате воздействия холодного или огнестрельного оружия, ударов дубинами, оглоблями или поленьями.

Наказание за нанесение увечий и побоев было вариативным, было более жестким, если потерпевший являлся природным казаком, тем более старшиной, пользовавшимся всеобщим уважением, поскольку увечья, ограничивавшие его физические возможности, были получены не на службе, а в результате преступного посягательства. Если физическое воздействие на потерпевшего не приводило к невозможному вреду здоровью, то противоправные действия виновного признавались побоями. Этот вид преступления, представленный в рамках статьи 116 Уголовного кодекса Российской Федерации, в обычном праве донских казаков именовался «кладень», заключааясь в умышленном причинении вреда здоровью, повлекшем его кратковременное расстройство. Выражался «кладень» в избиении потерпевшего, ударах кулаками, ногами, плеткой, результатом чего становились синяки, ссадины, кровоподтеки и неглубокие порезы, прочие незначительные физические повреждения. Поскольку данное правонарушение не являлось особо тяжким, то за его совершение виновные наказывались общественным порицанием с последующим взятием на поруки (или без порук), штрафом, домашним арестом, обязательными работами, при этом оставался высоким уровень латентности данного деяния.

Наконец последним преступлением против жизни и здоровья, криминализированным в обычном праве казаков, являлось «сокрытие заболевания человека заразной болезнью», наказание за которое со временем трансформировалось в правовой обычай, закрепленный нормативно. Согласно § 53 главы 2-го раздела «Об управлении казачьими станицами Войска Донского» Приложения к наказу гражданскому управлению Донского Войска от 26 июня 1835 г. урядники и казаки, не объявившие станичному правлению о своем тяжелом недуге и заразившие других, «подвергались неотложному суду станичного сбора и наказанию». О наказании офицеров, «подобное зло скрывавших в домах своих», ничего не говорилось, впрочем, им предписывалось немедленно докладывать в окружное сыскное начальство, уповая на их сознательность¹.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 10. № 8163.

Похожие составы преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации представлены в рамках статьи 121 «Заражение венерической болезнью» и в статье 122 «Заражение ВИЧ-инфекцией». У донских казаков данное общественно опасное деяние представляло собой сокрытие факта заболевания «повальной или прилипчивой болезнью», поразившей больного человека и представляющей угрозу для здоровых прочих людей. Ответственность за данное деяние возлагалась на всех лиц, нарушавших противоэпидемиологические правила, если от бездействия виновных наступили тяжкие последствия в виде заражения «проказой или другой прилипчивой болезнью»¹.

Таким образом, в обычном праве донских казаков криминализировался ряд общественно опасных противоправных виновных деяний против жизни и здоровья, перечень которых не был столь обширен как в современном Уголовном кодексе Российской Федерации. Применение обычного права для регулирования уголовно-правовых отношений не является экстраординарным фактом в условиях доиндустриального традиционного общества, встречаясь как в прочих регионах Российской империи, так и за рубежом в доиндустриальный период (в традиционном государстве).

Правовое положение казачества в рамках Российской империи было специфичным, поэтому на территории Войска Донского в XVIII столетии допускалось применение уголовного наказания по обычаям, причем в XIX в. некоторые из них трансформировались в нормативно-правовую форму. Впрочем, либеральные реформы Александра II приблизили правовой статус региона к положению губернии, и это обстоятельство, наряду с принятием Судебных уставов 1864 г., окончательно унифицировало практику правового регулирования уголовно-правовых отношений.

Список источников

1. Хижняк Я. А. Вклад Наполеона в развитие правовой системы Франции и других европейских государств XIX века // Синергия Наук. 2018. № 22. С. 1598–1605.
2. Иванов А. А. Основной вопрос криминологии: взгляд сквозь призму истории // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4. С. 139–155.
3. Беспалько В. Г. Уголовно-правовое значение ветхозаветных Десяти заповедей // Вопросы правоведения. 2013. № 3 (19). С. 470–483.
4. Глушаченко С. Б. Обычное право в договоре между Русью и Византией 911 г // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 2. С. 20–31.
5. Флягина М. В. О составе диалектной лексики в сборнике «Донские дела» // Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2015. С. 517–529.
6. Шатковская Т. В. Опыт реконструкции правовых традиций русского народа на основе актов российского государства периода империи // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 4. С. 15–20.
7. Небрятенко Г. Г. История древнего казачьего права: Ч. 1. Ростов н/Д., 2018. 244 с.
8. Небрятенко Г. Г. Преступление и наказание в обычном праве донских казаков. Ростов н/Д., 2015. 200 с.
9. Безручко Е. В. Потеря зрения, речи, слуха, потеря какого-либо органа либо утрата органом его функций как основные признаки тяжкого вреда здоровью // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 3. С. 40–43.

References

1. Khizhnyak Ya. A. Napoleon's contribution to the development of the legal system of France and other European states in the XIX century. *Sinergiya Nauk = Synergy of Sciences*. 2018;(22):1598–1605. (In Russ.)

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 10. № 8163.

2. Ivanov A.A. The main question of criminology: a look through the prism of history. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2017;(4):139–155. (In Russ.)
3. Bepalko V. G. The criminal-legal meaning of the Old Testament Ten Commandments. *Voprosy pravovedeniya = Questions of jurisprudence*. 2013;3(19):470–483. (In Russ.)
4. Glushachenko S. B. Customary law in the contract between Russia and Byzantium 911. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Law Journal*. 2018;(2):20–31. (In Russ.)
5. Flyagina M.V. About the composition of dialect vocabulary in the collection "Don affairs". In: *Lexical atlas of Russian folk dialects*. St. Petersburg; 2015:517–529. (In Russ.)
6. Shatkovskaya T. V. Experience of reconstruction of legal traditions of the Russian people on the basis of acts of the Russian state of the Empire period. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2013;(4):15–20. (In Russ.)
7. Nebratenko G. G. *History of ancient Cossack law*. Rostov-on-Don; 2018. 244 p. (In Russ.)
8. Nebratenko G. G. *Crime and punishment in the customary law of the Don Cossacks*. Rostov-on-Don; 2015. 200 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. Г. Небрятенко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права ЮРИУ РАНХиГС; профессор кафедры теории государства и права РЮИ МВД России.

Е. В. Безручко – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the authors

G. G. Nebratenko – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА; Professor of the Department of Theory of State and Law of Rostov Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

E. V. Bezruchko – Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 21.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 21.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.